

КАК ОБЕДАЛ СВЯТОСЛАВ? (ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)¹

Описание воинского быта Святослава Игоревича принадлежит к числу наиболее известных пассажей Повести временных лет (ПВЛ). Вместе с рассказом о походах Святослава его относят, как правило, к древнейшему пласту Начальной летописи, основанному на устном предании. Впрочем, единодушия во мнениях исследователей о происхождении этого рассказа отсутствует; близкие параллели, которые он находит у византийских авторов, Льва Диакона и Скилицы (см. особенно пересказ последней речи Святослава перед битвой с греками, почти дословно совпадающий с изложением той же речи в ПВЛ), рассматривались А. А. Шахматовым как свидетельство использования в ПВЛ несохранившейся болгарской летописи².

Скажем сразу, что мы не видим серьезных оснований сомневаться в происхождении летописного рассказа о Святославе из киевского дружинного предания; указанные совпадения свидетельствуют, на наш взгляд, лишь о том, что предание это было зафиксировано достаточно рано и донесло до нас — в эпическом преломлении — исторические факты, независимым образом ставшие известными византийским авторам. Впрочем, обоснование такого взгляда на вещи не входит в задачи настоящих заметок. Цель их намного скромнее: мы хотели бы несколько продвинуться в понимании двух деталей летописного портрета Святослава, представляющих определенный интерес с точки зрения истории текста Начальной летописи.

Для начала приведем текст эпизода по трем спискам: Лаврентьевскому, Ипатьевскому и Комиссионному списку Новгородской I летописи (Н1Л):

Лавр.

В лѣѣ 6472. Кнѣзю Сѣтославу възрастѣшю. и възмужавшю. нача вои совкуплати. многи и храбры и легко ходѣ. аки пардусь. воины многи творѣше ходѣ. возъ по собѣ не возѣше. ни котѣла ни мѣсь варѣ. но потонку изрѣзавъ. конину ли. звѣрину ли. или говѣдину. на оугле^х испекъ гадѣху. ни шатра имѣше. но подъкладъ пославъ. и сѣдло в головахъ. такоже и прочии вои его вси бѣ^х³.

Ипат.

В лѣто 6472. Кнѣзю Сѣтославу възрастѣшю. и възмужавшю. нача вои съвокуплати. многи и храбры. бѣ бо и самъ хоробръ и легкокъ. ходѣ акы пардусь. воины многи творѣше. возъ бо по себѣ не возѣше. ни котла ни мѣсь варѣ. но по тонку изрѣзавъ. конину. или звѣрину. или говѣдину на оуглехъ испекъ гадѣше. ни шатра имѣше. но подъкладъ постилаше. а сѣдло въ голова^х. тако же и прочии вои е^х вси бѣху⁴.

Н1Л

В лѣто 6472. Кнѣзю Святославу възрастѣшю и возмужавшю, нача воя совокуплати многи храбры, и бѣ бо и самъ хоробръ, и легко ходѣ, акы пардусь, воины многи творѣше ходѣ, а возовъ по собѣ не вожѣше, ни котла, ни мясь варѣше, нь потонку мяса изрѣзавше, конину или звѣрину, грядину на углехъ испекъ, ядѣше; ни шатра имѣше, нь подклад постилаше, а сѣдло въ головах; такоже у него и прочии вси вои бѣху⁵.

Согласно восходящей к Шахматову (и в основе своей, на наш взгляд, вполне адекватной) схеме рукописной традиции ПВЛ, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи независимо друг от друга восходят к архетипу памятника, тогда как Н1Л на данном участке передает текст предшествовавшего ПВЛ Начального свода 90-х годов XI в.⁶ Это соотношение является весьма благоприятным с точки зрения

¹ Работа написана в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в контексте мировой истории».

² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах (СПб., 1908) // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 1. С. 98–100 (§ 82).

³ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. С. 64–65.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. С. 52–53.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 117.

⁶ Обоснование нашей версии этой схемы см.: Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.

возможностей реконструкции исходного текста ПВЛ, позволяя, в случаях расхождения между Лавр. и Ипат., рассматривать в качестве первоначального то чтение, которое поддерживается Н1Л. Применение этого принципа к рассматриваемому пассажиру приводит к следующей реконструкции:

* В лѣто 6472. Кънѣзю Святославу възрѣстѣши и възмоужавѣши, нача воѣа съвъкоуплати мѣногы и храбры, бѣ бо и самъ храбръ; и льгѣко ходѣа, акы пардусъ, воины мѣногы творѣше; ходѣа, възъ по себѣ не вожаше, ни котѣла, ни маѣсъ варѣа, нѣ по тѣнѣку изрѣзавѣ кониноу или звѣрину или говѣдиноу, на оугѣльхѣ испекѣ, гѣдѣше; ни шатѣра имѣѣше, нѣ подѣкладѣ постилѣше, а сѣдѣло въ головахѣ; тако же и прочии вои его въси блѣху⁷.

На эту реконструкцию мы будем опираться в дальнейшем, по мере необходимости привлекая подлинные чтения списков.

1. «Легко ходя, акы пардус»

Как было указано В. М. Истриным, сравнение Святослава с пардусом (гепардом) носит книжный характер и находит параллели в описании деяний Александра Македонского в хронографической Александрии и Хронике Георгия Амартола⁸. Приведем указанные Истриным контексты. Из Хронографа: «И абие устремися Александръ востоку и оттолѣ море прескочи, акы пардусъ, дерзостию воюя землю Сурьскую»⁹; из Амартола: «И скочи акы пардусъ съ мною силою на вѣсточныя страны и грады»¹⁰. Сославшись на наблюдение Истрина, Шахматов высказал предположение, что в ПВЛ это сравнение восходит к уже упоминавшейся болгарской хронике, послужившей источником описания болгарских походов Святослава: «Быть может, она (болгарская хроника. — А. Г.) давала даже характеристику Святослава, повлиявшую на характеристику, данную Древнейшим сводом»¹¹. Апелляция к болгарской хронике представляется в данном случае совершенно излишней: киевский летописец вполне мог самостоятельно применить этот топос к Святославу, заимствовав его из повествования об Александре в Хронографе или у Амартола.

Болгарскую хронику Шахматов считал источником Древнейшего свода; соответственно, в его реконструкции сравнение с гепардом присутствует уже в первоначальном виде рассказа о Святославе. Между тем анализ контекста этого сравнения в ПВЛ позволяет подозревать его вторичность.

Заметим, что сегмент «акы пардусъ, воины мѣногы творѣше» заключен между двумя одинаковыми причастиями *ходѣа*. Первое из них имеет при себе зависимое наречие *льгѣко*, к которому и относится сравнение: Святослав передвигался с «легкостью» гепарда. Казалось бы, текст вполне органичен, а летописное сравнение удачно соединяет в себе мягкость кошачьей поступи со стремительностью быстрейшего из млекопитающих. Однако не все так просто. Во-первых, понимаемая таким образом «легкость», действительно присущая гепарду, — не совсем то качество, которое подразумевает сравнение с ним Александра. «Литературный» гепард, пардус — зверь, замечательный прежде всего своей яростью и внезапностью прыжка, он не столько бежит, сколько бросается на свою добычу (ср. употребление в обоих приведенных контекстах глагола *скочити*)¹². Эталон же скорости

⁷ Отметим отличия нашей реконструкции от реконструкций А. А. Шахматова и Д. Островского. У А. А. Шахматова: «вои мѣногы и храбръ» (восстановлено по смыслу, исходя из предположения, что *храбръ*, как и *вои*, — существительное в род. падеже мн. числа; между тем в обоих случаях употреблены имена прилагательные в форме вин. падежа мн. числа м. р.); «ходя же, възъ по себѣ не вожаше» (же вставлено по смыслу) (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. (СПб., 1916) // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2. С. 653, 955). В реконструкции Д. Островского отсутствует «бѣ бо и самъ храбръ»; исследователь не придает значения совпадением между Ипат. и Н1Л, относя текст Н1Л к «ипатѣвской» ветви традиции (The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. by Donald Ostrowski. [Harvard, 2003]. Vol. I. P. 424). Ср. критику стеммы Д. Островского: Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет // Russian Linguistics. 26 (2002). P. 73–81.

⁸ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 103.

⁹ Там же. Приложения. С. 152.

¹⁰ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. I. С. 42.

¹¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 103.

¹² См.: Виноградова Л. Н. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М., 1973. Т. IV. С. 55–58.

бега является в ближневосточной литературной традиции не гепард, а олень или серна. Ср. следующие словарные контексты: «Легъкъ блѣхъ ногама акы олень» (Толковая Палея 1406 г.); «Бяху мужи пресилни, щиты имуще и копя веля и легци ногами яко серны» (Хроника Георгия Амартола)¹³. Один раз, правда, в подобном контексте мы встречаем и гепарда: «И бысть велми мудръ и храбръсердь, и крепкорукъ, и силенъ теломъ, и легокъ ногама, аки пардусъ; подобень по всему деду своему, великому князю Ивану» («Казанская история»¹⁴). Однако обращение к более широкому контексту показывает, что образцом для характеристики юного Ивана IV послужил непосредственно разбираемый нами пассаж ПВЛ (ср. начало этого описания: «Возрастшу же, великъ разумъ приимшу великому князю Ивану Василевичу...» с летописным «Князю Святославу възрастышу и възмужавъшо...»)¹⁵.

Характерно, что, используя летописный пассаж, автор «Казанской истории» счел нужным заменить «легко ходя» на «легокъ ногама». Понять, почему он это сделал, несложно: в древнерусском языке сочетания *легко ити/ходити* означали то же, что современное *идти/ходить налегке*, т. е. не просто быстрое передвижение, а передвижение, не обремененное грузом. См. в рассказе ПВЛ о мести Ольги: «Олга же поимше мало дружины и *легко идущи* приде к гробу его...»¹⁶ (перевод Д. С. Лихачева: «Ольга же, взяв с собой небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа...»)¹⁷; ср. у Аввакума: «От Нерчинска *легкою ездою* 5 дни... со выюками ездю 2 недѣли»¹⁸. Понятно, что к гепарду и серне данное значение в принципе неприменимо.

Между тем Святослав передвигался именно налегке, о чем прямо говорится чуть ниже: «*ходѣ*, возъ по себѣ не возѣше, ни котля...». Обращает на себя внимание синтаксис фразы, вводимой без ожидаемого в данном контексте союза *же*¹⁹; он так же необычен, как и повтор причастия *ходя*, сообщающий пассажи своеобразный «спотыкающийся» ритм. Этот синтаксический сбой не ускользнул от внимания Шахматова, предложившего для него, однако, крайне искусственное объяснение: оба причастия ученый счел вставками (причем сделанными в разное время) и реконструировал первоначальный текст следующим образом: «бѣ бо и самъ храбръ и льгъкъ, акы пардус; воины многы творѣше, а возъ по себѣ не воѣше...»²⁰.

Предлагаемая альтернатива, которая, на наш взгляд, хорошо объясняет все отмеченные выше странности и противоречия, заключается в следующем: *ходя*₁ мы отождествляем с *ходя*₂, считая, что синтагмы, которым принадлежат эти причастия, первоначально составляли единое целое. Действительно, совместив эти фрагменты, мы получаем фразу с идеальной грамматикой и смыслом: *«и льгъко *ходѣ*, возъ по себѣ не возѣше, ни котля...» ('и *ходя* налегке, не возил с собой ни возов, ни котля'). Вклинившийся внутрь этой фразы сегмент, заключенный между двух *ходя*, должен в таком случае трактоваться как вставка, и то, что именно он содержит восходящее к Хронографу сравнение, прекрасно согласуется с такой трактовкой.

Рассказ об образе жизни молодого Святослава обнаруживает, таким образом, текстологическую двуслойность: на древнюю основу, восходящую к дружинному преданию, в нем наложена редакторская правка, дополнившая портрет молодого князя чертой, заимствованной из описаний Александра Великого в хронографической традиции.

2. «Грядина» / «говядина»

В походный рацион Святослава ПВЛ включает «конину, зверину и говядину». Первые два пункта комментария не требуют: для находящегося в походе войска, имеющего при себе запас коней,

¹³ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991. Т. IV. С. 446.

¹⁴ Виноградова Л. Н. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Т. IV. С. 57.

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1903. Т. XIX. С. 43.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. С. 57.

¹⁷ Повесть временных лет / Подгот. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева, под ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., исправл. и дополн., подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 164.

¹⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. VIII. С. 190–191.

¹⁹ А. А. Шахматов неслучайно исправляет в своей реконструкции *ходя* на *ходя же* — см. выше, прим. 7.

²⁰ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 366, 451.

употребление в пищу конины столь же естественно, как и добытой охотой дичи (заметим, впрочем, что и кони, мясо которых ели воины Святослава, вполне могли быть дикими, об охоте на таких «диких коней» упоминает, в частности, Владимир Мономах в «Поучении»). Однако откуда в этом списке говядина? Ведь только что было сказано, что Святослав передвигался налегке, не возя с собой «возов», т. е. запасов провианта. Можно, конечно, предположить, что иногда, разбивая лагерь вблизи населенного пункта, Святославо войско могло разжиться и коровьей тушей, однако такое допущение (с практической точки зрения вполне вероятное) вступает в противоречие с духом самого описания, размывая его сурово-аскетический колорит.

Сомневаться в том, что Святослав и его воины ели в походах говядину, было бы, однако, невозможно, если бы данное чтение не имело альтернативы. Между тем такая альтернатива имеется: в Комиссионном и Толстовском списках Н1Л вместо *или говядину* читается *грядину*, без предшествующего союза. В Академическом списке текст отсутствует, но очевидно, что в нем читалось то же, что и в Толстовском, представляющем собой копию этого списка, снятую в XVIII в. Данное чтение, таким образом, уверенно возводится к протографу младшего извода.

При этом оно отнюдь не производит впечатления испорченного. Непонятно, каким образом писец протографа младшего извода Н1Л мог бы не разобрать в своем оригинале прозрачнейшего чтения *говядину* и заменить его темным *грядину*, ликвидировав к тому же перед этим словом союз *или*. Списки младшего извода, изобилуя разного рода поновлениями языка, почти не содержат примеров бессмысленных искажений текста.

С другой стороны, слово *грядина*, хотя и неизвестно историческим словарям русского языка, прозрачно по своему составу (производное от *гряда* с суффиксом *-ина*) и является полноценной славянской лексемой²¹. Отсутствие же перед ним союза может смущать только при попытке трактовать данную словоформу как синтаксически однородную с *конину* и *зверину*. Между тем возможно и другое прочтение (предполагаемое пунктуацией в издании Н1Л), при котором *грядину* зависит не от *изрѣзавше*, а от *ядяше*: «потонку мяса изрѣзавше, конину или звѣрину, грядину на угльхъ испекъ, ядыше» ('тонко нарезав мясо, конину или зверину, жарил на углях «грядину» и съедал'); синтаксис фразы оказывается в таком случае безупречен.

Перед нами типичное *lectio difficilior*, которому известный текстологический принцип требует отдавать предпочтение, особенно если это позволяет стемма рукописей. В нашем случае стемма позволяет: поскольку младший извод Н1Л в пределах до 6524 г. восходит не к ПВЛ, а к лежащему в ее основе Начальному своду, его чтения, противопоставленные общим чтениям всех полных списков ПВЛ, могут быть первичными: в таких случаях мы имеем дело с чтениями Начального свода, искаженными в оригинале ПВЛ или в архетипе ее шести полных списков²².

²¹ Как синоним слова *гряда* в разных значениях (впрочем, одинаково не подходящих к нашему контексту) оно фиксируется в русских говорах: 'возвышенность', 'полоса леса', 'грядка', 'ребро повозки, телеги' (Словарь русских народных говоров (далее — СРНГ). Л., 1972. Вып. 7. С. 173).

²² Бесспорных примеров сохранения в Н1Л (в части до 6524 г.) первоначальных чтений, одинаково искаженных во всех полных списках ПВЛ, в настоящее время известно всего два: *приспу сыпати* в рассказе о взятии Корсуня Владимиром (в ПВЛ: *приспутити/приспутати*) и *раздѣ(ляеть бо ся нераздѣ)льно* в Исповедании веры, преподанном Владимиру после крещения (в ПВЛ заключенный в скобки фрагмент пропущен) (см.: Гиппиус. А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет. Р. 71). Стоит заметить, однако, что с этой точки зрения систематическое сопоставление списков, как кажется, никогда не проводилось: в обсуждении проблематики Начального свода акцент, начиная с Шахматова, делался на макротекстологическом аспекте, т. е. на соотношении композиции Н1Л и ПВЛ. В действительности, по-видимому, круг исходных для Начальной летописи чтений, сохраненных Н1Л, значительно шире. Пользуясь случаем указать еще два таких чтения в статье 6488 г., в рассказе о женолюбии Владимира, где чтениям ПВЛ «идеже есть нынѣ селце Передславино» и «на Берестовѣмъ в селци еже зовут и нынѣ Берестовое» соответствуют в Н1Л «идеже есть нынѣ селище Передьславино» и «на Берестовѣ селищи еже зовут нынѣ Берестовое». В обоих случаях слово *селище*, обладающее, по сравнению с *селце*, более специальным значением ('местность, где некогда было село'), лучше подходит к контексту и вряд ли могло быть внесено при переписке текста в Новгороде.

Все это, безусловно, не было секретом для А. А. Шахматова; в его реконструкции Древнейшего свода (в которую современные исследователи заглядывают, как кажется, крайне редко) рассматриваемая фраза имеет следующий вид: «...нѣ по тѣнку изрѣзавъ конину ли звѣрину ли, грядину на угльхъ испекъ ядыше»²³. В примечании к этому фрагменту Шахматов пишет: «Я понимаю “грядину” в значении “яко грядину” или “грядиною”, т. е. в грубом виде; в Троицк. сп. Новгор. 1-й “или грядину”; в характеристике Святослава указано именно, что он питался кониной и звериной, поэтому чтение “говядину” вместо “грядину” надо признать позднейшим»²⁴. К сожалению, Шахматов не пояснил, каким образом *грядиною* или *яко грядину* может означать ‘в грубом виде’; между тем приписать такое значение чтению НІЛ крайне затруднительно. Вероятно, именно по этой причине ученый в дальнейшем пересмотрел свою точку зрения: в реконструированном тексте ПВЛ «грядины» мы уже не находим, чтение НІЛ не попало даже в критический аппарат книги. Не учитывают этого чтения и все последующие реконструкции и переводы.

И все же факт остается фактом: *грядину* представляет собой *lectio difficilior*, а соответствующее чтение полных списков ПВЛ противоречит логике текста. Если бы для чтения НІЛ удалось предложить значение, подходящее к контексту и при этом этимологически объяснимое, были бы все основания считать это чтение первоначальным. На наш взгляд, такая возможность имеется.

В той синтаксической позиции, какую слово *грядина* занимает во фразе, оно не может быть обозначением вида мяса, но может лишь каким-то образом характеризовать способ его приготовления. Указание на то, что Святослав жарил мясо «на углях», естественно, не следует понимать буквально: такое словоупотребление и сейчас предполагает использование какого-то приспособления, при помощи которого куски мяса располагаются над углями. Мировой кулинарной практике известно два таких приспособления: жарить мясо можно, выкладывая его на решетку (гриль) или нанизывая на вертел (шампур).

Рассматривая первый вариант, невозможно пройти мимо следующего этимологического факта: родственное слав. *gręda др.-исл. *grind* одним из своих значений имеет ‘решетка’²⁵. Хотя среди словарных контекстов преобладают такие, в которых это слово означает деревянные решетки (изгородь, калитку и т. д.), оно, по-видимому, могло обозначать и решетку для жарки: ср. исл. *grinda-brauð* ‘хлеб, зажаренный на решетке’²⁶. Слав. *gręda и его производные также могут называть разного рода решетчатые конструкции; среди значений диал. *грядка* находим, в частности: ‘продольные и поперечные брусья в бороне, расположенные решеткою’, ‘тонкие строганные кольшки, прикрепляемые к стенам и над очагом в избушке для просушки во время отдыха мокрого и обледеневшего на лову платья’ и др.²⁷ В значении ‘решетка для жарки’ наше слово можно было бы трактовать и как семантический скандинавизм, предполагая перенос на славянскую лексему значения родственной скандинавской: для терминологии дружинного быта такое заимствование кажется вполне естественным (вспомним, кстати, что и упоминаемый в том же контексте *котль* представляет собой германское заимствование в праславянский). Летописное словоупотребление следовало бы в таком случае рассматривать как эллипсис (ср. *пожарил сковороду (картошки)*, *сварил кастрюлю (супа)* и т. д.).

При всей соблазнительности перспективы пополнить таким образом скудный список варяжских заимствований в древнерусском от данного решения следует, на наш взгляд, отказаться. Решетка-гриль, хотя и была известна в раннем Средневековье, едва ли могла составлять принадлежность походной экипировки воина.

Другой способ жарки мяса — на вертеле, порезанным мелкими кусками, напротив, как нельзя лучше отвечает условиям походного быта. Технология эта известна с глубокой древности²⁸; ярким

²³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 366–367.

²⁴ Там же. С. 451.

²⁵ Этимологический словарь славянских языков (далее — ЭССЯ). М., 1980. Т. VII. С. 122.

²⁶ Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1874. P. 215.

²⁷ СРНГ. Т. VII. С. 186.

²⁸ Ср., например, описание ее в «Илиаде»: «Сам же огромный он лот положил у огнищного света
И хребты разложил в нем овцы и козы утучнелой,
Бросил и окорок жирного борова, туком блестящий,

свидетельством использования ее в близкую эпоху и в близкой культурной среде являются изображения на знаменитом ковре из Байе (вторая половина XI в.), рассказывающем историю завоевания Англии Вильгельмом; сцены пира накануне битвы при Гастингсе содержат изображения слуг, подающих гостям вертела с зажаренным мясом²⁹.

Именно этот предмет, как представляется, и мог называться «грядиной». В русском литературном и диалектном языке слово *гряда* в его основном значении — ‘ряд, цепь, полоса’ — сочетается с названиями разнообразных объектов преимущественно неживой природы: гряды могут образовывать горы, камни, облака, волны, вершушки деревьев, но также и набухшие перед родами сосцы животного³⁰. Общим для этих объектов является прерывистый, зубчатый или волнообразный профиль. Таким профилем обладает и ряд нанизанных на вертел кусков мяса. Что же касается суффикса *-ина*, при помощи которого образована наша лексема, то его в таком случае естественно трактовать как имеющий значение сингулятива: если нанизанное на вертела мясо располагается над углями «грядами», то каждый вертел в отдельности представляет собой «грядину».

В связи с только что высказанным предположением особенно интересен контекст, иллюстрирующий в «Словаре русских народных говоров» еще одно значение слова *грядка*: «14. Горизонтальные шесты в стенах бревенчатого сруба для нанизывания рыбы. “В яму вставлен бревенчатый сруб, который выходит на поверхность; в его стенки внутри вставлены горизонтальные шесты — рожны. У рыб прорезали отверстие в хвосте и нанизывали их на эти рожны по 10—12 рыбин на каждый рожон; это называется грядкой” (разрядка моя. — А. Г.)»³¹. «Грядкой», как видим, называются здесь не сами шесты, а шесты с нанизанной на них рыбой, что уже чрезвычайно близко к предполагаемому нами значению.

Не исключено, впрочем (хотя и менее вероятно), что *грядиной* изначально мог называться сам вертел и уже вторично — зажаренное на нем мясо. Такую возможность подсказывают типологические параллели. Английское слово для вертела, *spit*, имеет также значение ‘длинная отмель, намывная коса’ — название вытянутого, заостренного предмета распространяется, таким образом, на ландшафтный объект продолговатой формы³². В русском литературном языке ближайшую аналогию такому переносу значения составляет *коса* (как название сельскохозяйственного орудия и узкой полосы суши). Однако в общеславянской перспективе (как и в диалектах русского языка) такую же многозначность демонстрирует и *гряда*, обозначая, с одной стороны, разного рода продолговатые возвышенности (фиксируются, в частности, значения: ‘песчаная отмель в реке’, ‘узкая возвышенная песчаная полоса, вдающаяся в озеро’, т. е. та же коса), а с другой — продолговатые предметы (‘жердь, брус, балка, доска, перекадина и т. д.’)³³. Во вторую категорию вписывается и прут, каковым является вертел³⁴. С другой стороны,

Их Автомедон держал, рассекал Ахиллес благородный,
После искусно дробил на куски и вонзал их на вертел.
Жаркий огонь между тем разводил Менетид боговидный.
Чуть же огонь ослабел и багряное пламя поблекло,
Угли разгребши, Пелид вертела над огнем простирает
И священной солью кропит, на подпор подымая.
Так их обжарив кругом, на обеденный стол сотрясает»

(Гомер. Илиада. Пер. Н. Гнедича / Изд. подг. А. Зайцев. М., 1990. С.121).

²⁹ См. иллюстрации: Rud M. The Bayeux Tapestry and the Battle of Hastings 1066. Copenhagen, 2004. P. 70–71.

³⁰ Ср., однако, диал. *грядка* — ‘припухшие перед родами молочные железы животных, гл. образом, свиньи’ (ЭССЯ. Т. VII. С. 121), *гряды* ‘набухшие сосцы (у щенной суки)’ (СРНГ. Т. VII. С. 188).

³¹ СРНГ. Т. VII. С. 188.

³² См. словарные дефиниции: «A cooking implement consisting of a slender sharp-pointed rod of metal or wood, used for thrusting into or through meat which is to be roasted at a fire; a broach. ... A small, low point or tongue of land, projecting into the water; a long narrow reef, shoal, or sandbank extending from the shore» (The Oxford English Dictionary. Second edition. Oxford, 1989. Vol. XVI. P. 264).

³³ ЭССЯ. Т. VII. С. 121.

³⁴ Ср. русск. диал. *грядушка* ‘приспособление в кузнице в виде одного или двух железных прутиков сбоку или сзади наковальни... для инструментов’ (СРНГ. Т. VII. С. 188).

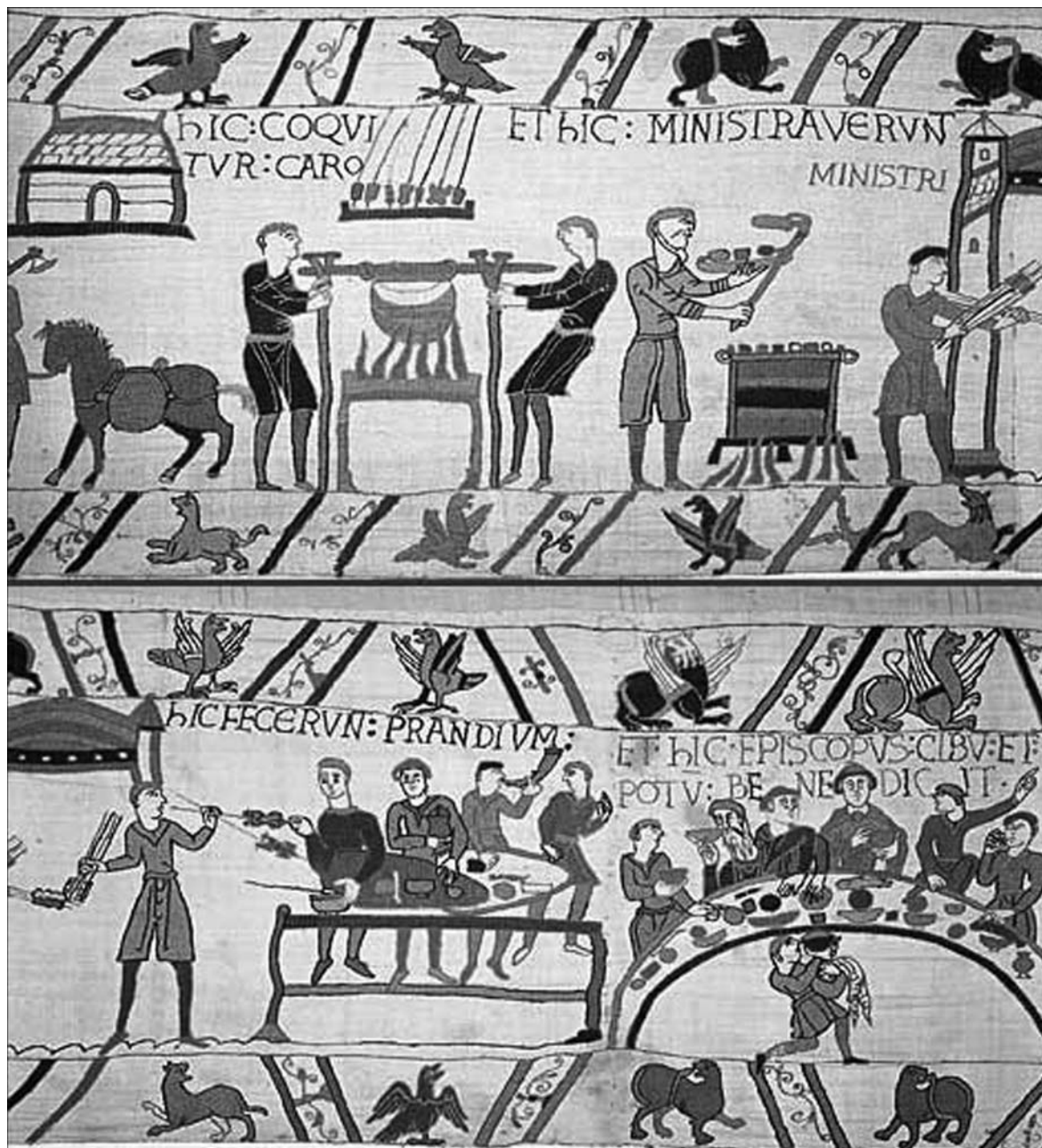

Рис. 1. Сцены пира перед битвой при Гастингсе, изображения на “Ковре из Байё” (конец XI в., Нормандия)

название вертела легко переносится на изготовленное с его помощью блюдо, ср. итал. *spiedino*, имеющее два значения: 1) 'маленький металлический или деревянный стержень, на который насаживаются куски мяса или рыбы для обжаривания на углях', 2) 'приготовленное таким образом блюдо'³⁵.

Отметим, что способ приготовления мяса Святославом уже был однажды совершенно верно охарактеризован в литературе. Б. А. Рыбаков, пересказывая летописный пассаж, пишет: «его (Святослава. — А. Г.) конница воюет без отягощающих обозов, даже для самого князя не берут ни котла, ни шатра — великий князь Киевский питается любым мясом, поджаренным на вертеле, и спит, положив под голову седло...»³⁶. В своем понимании слов летописи Рыбаков, надо полагать, опирался на здравый смысл и богатый экспедиционный опыт. Между тем, как мы теперь видим, сам летописный текст, каким его донесла до нас Н1Л, содержит вполне точное описание Святославовой трапезы: мелко порезав мясо, Святослав готовил его на углях, нанизав на вертел, т. е., говоря современным языком, жарил шашлык.

Тюркизм *шашлык* (крым.-татар. *şışlik* от *şış* — 'вертел')³⁷ представляется вполне точным русским эквивалентом др.-русск. *грядина*. Называя, по существу, то же понятие, он позволяет перевести летописную фразу, сохранив синтаксис: '...мелко порезав мясо, конину или зверину, поджарив на углях шашлык, съедал'. Такой перевод, при его кажущейся экстравагантности, хорошо передает статус древнерусской лексемы как кулинарного термина. Эта терминологичность, скорее всего, и явилась причиной искажения первоначального чтения в ПВЛ, составитель которой, киево-печерский монах, имел основания быть недостаточно знакомым с принятой в дружинной среде технологией и терминологией приготовления мяса; замена «грядины» на «говядину» выглядит под его пером абсолютно естественной.

Рассмотренный фрагмент рассказа ПВЛ о Святославе может служить яркой иллюстрацией текстологической многослойности Начальной летописи. Его первоначальный вид следует относить к нарративному ядру Начальной летописи, в котором мы, вслед за М. Н. Тихомировым, склонны видеть основанное на дружинном предании «Сказание о русских князьях», созданное, возможно, еще при Владимире Святославиче, в конце X — начале XI в.³⁸ Языковая архаичность этого реконструируемого текста обнаруживает себя, в частности, в лексических гапаксах, таких как *перегъбѣ* 'плащ' и *сустуга* 'застежка' в рассказе о первой мести Ольги древлянам («ѡни же сѣдѣху в перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордащеса») ³⁹. К тому же лексическому пласту относится, очевидно, и *грядина*, которую жарил на углях Святослав. На эту древнюю основу накладывается, интерполируя ее, более поздний слой, определяющей чертой которого является ориентация на византийскую хронографическую традицию; в нашем фрагменте к нему возводится вставка, содержащая сравнение Святослава с пардусом. Наконец, на заключительном этапе развития текста, при составлении ПВЛ, из него исчезает не понятый редактором термин *грядина*, заменяясь тривиальным *говядина*.

³⁵ См.: S. Battaglia. Grande dizionario di lingua italiana. Torino, 1998. Vol. XIX. P. 895.

³⁶ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 380.

³⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV. С. 416–417.

³⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 65–66. Ср.: Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игорев: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25. № 2. P. 171–172.

³⁹ ПСРЛ. Т. I. С. 56. См.: Львов А. С. Лексика Повести временных лет. М., 1975. С. 74–75. Недавнюю попытку Т. Л. Вилкул трактовать второй из этих гапаксов как «микроразимствование» из Хронографа (в одном из эпизодов Виленского Хронографа упоминаются золотые «застоги» — застежки, носившиеся местными вождями) (Вилкул Т. Древлянские «сустоги» // Ruthenica. 2006. Т. V. С. 232–233) нужно признать неудачной: это смелое предположение полностью дезавуируется мордовск. *sustuka* 'большая застежка', заимствованным из древнерусского, причем явно не книжным путем (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 810).